

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Х21

Серия «Коллекция. Военная фантастика»

Выпуск 24

Иллюстрация на обложке *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Харников, Александр Петрович;

Дынин, Максим

Х21 Русские своих не бросают: Балтийская рапсодия. Севастопольский вальс. Дунайские волны: роман / Александр Харников, Максим Дынин. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2020. — 928 с. — (Коллекция. Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-133652-3

В августе 1854 года в Балтийском море появился англо-французский флот с десантом на борту и атаковал русскую крепость Бомарзунд, на Аландских островах. Тогда же в охваченную войной Балтику непонятно как угодили несколько боевых кораблей Российской Федерации. Русские моряки пришли на помощь своим предкам. Враг потерпел полное поражение.

Но смертельная опасность грозила Севастополю — главной базе русского Черноморского флота. «Попаданцы» отправились на Черное море и там спасли город русской морской славы от осады, а Черноморский флот — от гибели. Но враг еще не сложил оружие, и основные боевые действия должны развернуться на Дунае и территориях, прилежащих к этой величайшей реке Европы. Продолжается и тайная война, порой не менее кровопролитная, чем обычная.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-133652-3

© Александр Харников, 2020
© Максим Дынин, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Балтийская рапсодия

Пролог

4 (16) августа 1854 года.

Крепость Бомарзунд. Аландские острова

Комендант крепости генерал-майор

Яков Андреевич Бодиско

Вот и настал последний день Бомарзунда. После падения башни «С», которая защищала цитадель с тыла от высаженного на берег вражеского десанта, крепость уже было не спасти. Теперь французы и англичане установят осадные батареи, и крупнокалиберные пушки расстреляют недостроенные укрепления, словно мишени. Ведь крепостные орудия просто не добивали до лагеря союзников.

Мне предстояло принять самое страшное в моей жизни решение — отправить парламентаров к французскому генералу Бараге д'Илье, чтобы согласовать с ним условия капитуляции. Я знал: несмотря на то что государь допускал такую возможность и даже передал через ротмистра Шеншина разрешение на почетную сдачу крепости в случае невозможности ее удержания, мне этого никогда не простят. «Русские умеют брать крепости, а вот сдавать их они так и не научились», — сказал мне один из офицеров. И я был вынужден промолчать на эти дерзкие слова.

Конечно, можно было держаться до последнего солдата, погибнуть всем, не спустив флаг и не сложив оружие. Но эти проклятые французы все равно займут Бомарзунд и, раздраженные нашим отчаянным сопротивлением и огромными потерями, перебьют всех оставшихся в живых защитников крепости и членов их семей. Я прекрасно знал, что генерал Бараге д'Илье во время службы в Алжире зверски расправлялся с непокорными

местными жителями, сжигая их дома и истребляя их поголовно, не разбирая пола и возраста.

Выхода не было. Численное превосходство врага как на суше, так и на море не оставляло нам никаких надежд на успешный исход кампании. Вопрос заключался лишь в том, с чего начнет генерал Бараге д'Илье. Направит он сегодня основной удар против цитадели, или захочет сперва захватить башню «Z» на острове Престе, которую защищал поручик Шателен и полторы сотни солдат и финских «охотников».

Для нападения на башню французы и англичане наверняка направят свои корабли в Лимпартское озеро, чтобы взять цитадель и башню «Z» под перекрестный огонь. Надо понаблюдать за тем, войдут ли вражеские корабли в озеро или нет, чтобы точно понять, каковы сегодня намерения у союзников.

Я взял протянутую мне адъютантом подзорную трубу и посмотрел на стоящие у берега корабли вражеской эскадры. Мне хорошо было видно, как на них дымят трубы, а команды выбирают якоря. По моим соображениям, в пролив намеревались отправиться пять паровых кораблей, из которых два были большими, стопушечными.

Вздохнув, я сложил подзорную трубу и передал ее адъютанту. Значит, под обстрелом сегодня окажутся храбрые воины поручика Шателена. По докладам командира башни «Z» я знал, что та почти ежедневно подвергается сильному обстрелу с кораблей вражеской эскадры и сильно повреждена. У ее защитников заканчиваются порох и ядра. Впрочем, они скоро и не понадобятся — почти все орудия башни подбиты.

Первым в пролив вошел небольшой колесный пароход. Он двигался осторожно, тихим ходом, словно опасался чего-то. Я усмехнулся — к сожалению, ничего противопоставить вражеским кораблям мы не могли. В последний свой визит ротмистр Шеншин рассказывал, что подступы к Кронштадту помимо мощных батарей прикрыты большим количеством мин — страшным изобретением господина Якоби. По словам ротмистра, если вражеский корабль коснется бортом одной такой мины, то произойдет взрыв, который уничтожит корабль. Подобными адскими устройствами были защищены подходы к Свеабургу и Ревелю.

А вот у нас ничего этого не было. Я представил на мгновение, что мы установили несколько подобных мин в проливе, и что

нагло идущие по нему вражеские суда начнут взрываться одно за другим. И тут произошло нечто, что меня несказанно удивило.

Шедший последним большой британский стопушечный корабль неожиданно задержался, словно потерял управление, а потом со страшным грохотом взлетел на воздух. Вслед за ним на другом британском корабле тоже прогремели взрывы, и он вспыхнул, словно факел.

Я не мог понять, отчего английские корабли вдруг стали взрываться. Может быть, кто-то (кто?!) установил в проливе эти самые мины, о которых я только что думал? Мой адъютант, наблюдавший за всем происходящим, с недоумением смотрел на меня.

— Ваше превосходительство, — растерянно бормотал он, — это просто невероятно...

Со стороны пролива до нас донеслись звуки стрельбы. Казалось, что огонь ведет батальон, а то и целый полк — так часто гремели выстрелы. Из всего происходящего можно было сделать лишь один вывод — кто-то в проливе воевал с союзниками, причем делал он это весьма успешно.

Я настолько увлекся происходящим, что совершенно перестал обращать внимание на другие корабли союзников, стоявшие на рейде. Потому и не заметил, как взлетел на воздух стопушечный корабль французов «Аустерлиц». Обернувшись на звук сильного взрыва, я увидел лишь поднявшийся вверх столб густого красно-черного дыма. Когда же дым рассеялся, на том месте, где стоял французский корабль, плавали только обломки. Потом один за другим взорвались еще три английских и французских корабля.

На уцелевших судах союзников началась паника. Матросы и офицеры беспорядочно метались по палубам, а некоторые бросались за борт и плыли в сторону берега.

В этот самый момент адъютант неожиданно дернул меня за рукав, забыв про субординацию:

— Ваше превосходительство, посмотрите — что это такое?

Я удивленно взглянул на адъютанта. А тот, так и не придя в себя от изумления, показывал рукой на море.

Там, за цепью уцелевших фрегатов и корветов блокирующей Бомарзунд англо-французской эскадры, на горизонте появились неведь откуда взявшиеся удивительные корабли. Они были без

парусов, и без труб... Во всяком случае, черных столбов угольного дыма, которые являются непременным атрибутом идущих полным ходом паровых кораблей, я не заметил. Но неизвестные корабли приближались к Бомарзунду, причем двигались они необыкновенно быстро.

— Боже милостивый, — воскликнул я, — что это?!

— Это наше спасение, ваше превосходительство, — ответил мне адъютант. — Это чудо, которое сотворил Господь, послав нам на помощь свое воинство.

Часть I

«В КРАЕ СЕВЕРА УБОГОМ...»

14 августа 2015 года, 11:05. Балтийское море.

На траверзе полуострова Ханко.

Радиорубка учебного корабля «Смольный»

Командир БЧ-4 старший лейтенант

Ковалев Михаил Григорьевич

Началась эта удивительная история с обмена координатами с БДК «Королевым». Я приказал радиотелеграфисту старшине 1-й статьи Коле Афанасьеву их уточнить. Тот посмотрел на экране монитора, где секунду назад высвечивались цифры от ГЛОНАССа и буржуйской GPS, и присвистнул от удивления. Там были видны одни прочерки. Вот-те раз!

Я подошел к аппаратуре и отправил запрос сам. Удивительно, но результат оказался таким же.

Гм, что бы это могло значить? Я почесал затылок, после чего связался с «Королевым». Ответ с БДК огорошил меня:

— Знаешь, а у нас такая же фигня. Постой, я сейчас попробую связаться с остальными...

Пока я ковырялся в аппаратуре в поисках возможной неисправности, раздался вызов с «Королева»:

— Представляешь, оказывается, на всех остальных кораблях то же самое происходит. Похоже, какой-то сбой пошел. Может, что-то случилось с ГЛОНАССом?

— Ага, марсиане взяли в космосе на бордаж все наши спутники и вырубил ГЛОНАСС, — ответил я. — Только вот непонятно, почему то же самое случилось и с GPS. Выходит, марсиане глушат все подряд.

Делать нечего — я доложил о случившемся на мостик командиру, после чего начал усиленно сканировать эфир. На других

частотах было тихо, даже помехи отсутствовали. Мертвая тишина царила и на частоте, зарезервированной для экстренных сообщений.

А вот на нашей частоте вдруг неожиданно объявился танкер «Лена».

— У вас что, тоже GPS с ГЛОНАССом не работают? — поинтересовался я у радиста «Лены».

— Да, а что, и у вас? Интересно... А где вы сейчас находитесь?

— К юго-западу от острова Руссаре, примерно двадцать миль. А вы?

— Примерно в пятнадцати милях к западу от Руссаре.

Я сообщил о «Лене» сначала на мостик, а потом и на «Королев», после чего опять занялся увлекательной работой — сканированием эфира. Но тот оставался по-прежнему девственно чист — не удалось обнаружить ни одной работающей радиостанции. Хотя обычно в этих местах на всех частотах их сотни — питерские, Выборгские, ивангородские, эстонские, финские, шведские...

В радиорубку вошел командир «Смольного» капитан 1-го ранга Степаненко.

— Товарищ капитан 1-го ранга, — официально доложил я ему, — у нас тут ЧП произошло. Словом, я ничего не могу понять...

— Сам вижу, — криво усмехнулся Степаненко. — Вы все же попробуйте разобраться, что за чертовщина происходит. Ну, не может такого быть, чтобы все радиостанции в мире одновременно прекратили работу.

— Товарищ капитан 1-го ранга, Олег Дмитриевич, — я не знал, что ему и ответить, — ни GPS, ни ГЛОНАСС не работают, ни у нас, ни на «Королеве», ни на других кораблях эскадры, ни на танкере «Лена», которые находятся неподалеку от острова Руссаре. В эфире словно шаром покати — тишина, как в сурдокамере. Я даже не могу предположить, что могло случиться.

Степаненко пожал плечами:

— Это я уже понял. Скажу больше — спутниковые телефоны тоже почему-то не работают. Да и погода вдруг изменилась — стало намного прохладнее, откуда-то появились облака, которых раньше не было видно даже на горизонте. Так что давай, товарищ старший лейтенант, продолжай сканировать все каналы. Авось

что-нибудь да и прояснится. И не теряй связь с «Королевым» и с «Леной» — в такой ситуации нам надо держаться вместе.

— Есть поддерживать связь, — ответил я.

Степаненко кивнул и вышел из радиорубки.

14 (2) августа 1854 года, 11:25.

Учебный корабль «Смольный».

К юго-западу от острова Руссаре

Капитан 1-го ранга Олег Дмитриевич Степаненко

Еще двадцать минут назад на мостике было жарко, словно на пляже в Сочи. А теперь вдруг невесть откуда на небе появились облака, и подул холодный северо-западный ветер. Ко всему прочему пропал сигнал ГЛОНАСС, и в эфире наступила мертвая тишина. Это было странно и весьма тревожно.

А ведь до сего момента все шло просто замечательно. Мы возвращались в Кронштадт после похода вокруг Скандинавии с курсантами военно-морских учебных заведений. Этот «круиз», как я его называл, стал своего рода разминкой перед дальним походом, о котором меня уже предупредили в штабе ВМФ. В сентябре наш «Смольный» должен отправиться к берегам Анголы.

Пока же мы не спеша обогнули Скандинавский полуостров, зайдя с визитами вежливости в Осло, Гётеборг, Стокгольм и Копенгаген. Там наши курсанты познакомились с потомками суровых викингов и осмотрели местные достопримечательности. Погода стояла отличная, поломок не было, и аварийных ситуаций не возникало. У нас оставалась только одна остановка перед возвращением домой — заход в Хельсинки.

Но вчера мы получили радиограмму, в которой говорилось, что на траверзе полуострова Ханко нам необходимо встретиться с БДК «Королев», на который со «Смольного» перейдут тележурналисты каналов «Звезда» и «Russia Today», сопровождавшие нас в нашем круизе. Им предстояла новая командировка, только куда именно, не сообщили.

Впрочем, меня это и не касалось. Я уже мечтал о доме и предвкушал, как через день-два наконец-то пообедаю в семейном кругу: у меня отношения с супругой — даром что мы уже столько лет в браке — близки к идеальным. Потом немного отдохну, и — здравствуй, Ангола. И тут вдруг такое...

Неожиданно где-то далеко на западе мы услышали канонаду. Только вот звук артиллерийских выстрелов сильно отличался от голосов всех известных мне корабельных орудий. Я позвонил в радиорубку и сказал радисту, чтобы он связался с «Королевым» и сообщил ему, что «Смольный» срочно идет на запад.

После этого я скомандовал привести корабль в полную боевую готовность. По личному опыту мне было известно, что в подобных случаях лучше лишний раз перестраховаться. В мире творится черт-те что, и даже здесь, в тихом омуте Европы, могут вынырнуть какие-нибудь зловредные черти. К тому же сегодняшние неполадки со связью не выходили у меня из головы. Ох, не к добру все это, ох, не к добру...

«Смольный» по моей команде полным ходом шел на восток-восток — туда, откуда доносился гром выстрелов.

Вскоре мне доложили, что на экране радара видны две цели. Первая была похожа на корабль, судя по всему лежавший в дрейфе, а другая отметка рядом с ним была совсем маленькой. Она медленно двигалась в сторону финского берега.

Подойдя поближе, я увидел в бинокль зрелище, весьма меня удивившее. Первый корабль выглядел, как музейный экспонат или оживший рисунок из учебника по морской истории — в главе, рассказывающей о паровых кораблях середины XIX века. Это был колесный парусник с двумя высокими трубами, из которых валил густой черный дым. Корабль стоял неподвижно. Спущенный с него баркас, набитый моряками, преследовал небольшую парусную лодку, экипаж которой, как мне показалось, прилагал все силы, чтобы уйти от погони.

— Что на свете творится-то, — сказал мой старший помощник, капитан 3-го ранга Рудаков, который, оказывается, тоже услышал стрельбу и поднялся на мостик со своим биноклем. — Реконструкторы разошлись — реальную войнушку затеяли. Вон, посмотри — настоящими ядрами друг в друга палят!

— Геннадий Викторович, — спросил я у него, — а почему ты думаешь, что это реконструкторы? И почему ты считаешь, что они стреляют не холостыми, а боевыми зарядами?

— А кто это может быть еще, кроме реконструкторов? — удивился старпом. — Вон, посмотри, на палубе этого плавучего антиквариата все наряжены в британскую военно-морскую форму середины XIX века. А насчет стрельбы ядрами... Ты что, не видишь,

что возле лайбы, за которой гонятся эти псевдобританцы, появляются самые натуральные всплески от падения ядер? То есть стреляют, что называется, без дураков.

Я не стал спорить с Рудаковым, зная его любовь к военной истории вообще и истории военно-морского флота в частности. К тому же с парохода грянул очередной выстрел, и метрах в десяти от лодки, которую старпом назвал лайбой, поднялся белый водяной столб.

К тому времени «Смольный» подошел уже довольно близко к кораблю реконструкторов-экстремалов. Мы попытались связаться с ним по радиации, но ответа так и не дождались. Точнее, ответ мы получили, но он оказался весьма своеобразным.

На корме колесного парохода, на флагштоке которого мы с удивлением увидели британский военно-морской флаг, выплеснулось облачко белого дыма и прогремел выстрел. Менее чем в кабельтове от нас в воду плюхнулось ядро. Да, на историческую реконструкцию все это было совсем не похоже. Только мы же с ними не договаривались о том, что тоже примем участие в подобной рискованной для жизни реконструкции! Если это шутка, то дурацкая.

— Боевая тревога! — скомандовал я. — Корабль привести к бою!

И, грозно взглянув на курсантов, толпившихся на палубе и с интересом взирающих на это историческое военно-морское шоу, приказал:

— Всем посторонним покинуть верхнюю палубу. Находиться во внутренних помещениях и не высовываться наружу.

Я словно предчувствовал, что что-то должно произойти. И оказался прав. Очередной выстрел с колесного парохода — и ядро, промчавшееся над палубой, снесло леерную стойку, после чего плюхнулось в море.

Вскоре мне доложили — БЧ-2 к бою готово.

— Огонь! — скомандовал я.

Носовая артиллерийская установка АК-726 выпустила несколько снарядов по не в меру драчливому британскому пароходу. Один из них угодил, по всей видимости, в артпогреб. Громыхнул взрыв. В воздух взлетели мачты и трубы англичанина, а сам корабль, разломившись на две части, быстро пошел ко дну.